

У неё были песочные часы, довольно крупные, с крошечным отверстием. Она переворачивала их перед сном, и к утру песок как раз успевал высыпаться. Сейчас в нижней колбе оставалось песка на два пальца — значит, до рассвета ещё далеко.

Где же может быть этот Чёрный Лотос в такой поздний час?

Солнечные блики играли на воде, лёгкий ветерок доносил стрекот цикад с ивовых ветвей, а поверхность озера, усеянная красными водяными орехами, подрагивала, создавая живописный пейзаж. Линь Чаогэ, лениво прислонившись к каменным перилам, закатала рукава, обнажив тонкие, белые, словно фарфор, запястья, и принялась дразнить золотых рыбок в озере, посыпая корм.

Лю Баожу, совершенно не замечая отчаянного и презрительного взгляда подруги, пребывала в муках выбора:

— У тебя, парень, всегда был отличный вкус. Скажи, какой наряд мне надеть? В красном я, кажется, слишком бросаюсь в глаза, а зелёный... ну, он какой-то слишком уж по-детски свежий. Может, этот тёмно-синий? Нет, нет, слишком по-стариковски. Ну же, сорванец, посоветуй что-нибудь!

— ... — этот вопль разогнал рыб в озере, и Линь Чаогэ в сердцах выпалила:

— Да надень ты всё зелёное, а на голову — зелёный платок, будет в самый раз!

Стоявший у ворот сторож, услышав это, не удержался и высунул голову, расплывшись в широкой улыбке, обнажившей восемь белых зубов:

— Молодой господин, так это ж вылитый черепаха!

В апреле стало заметно теплее. Хотя до июньского зноя было ещё далеко, стрекот цикад уже начал докучать.

Студенты давно сменили громоздкие зимние одежды на лёгкие весенние наряды. Теперь они не жались по углам аудиторий, обнимая грелки и сетуя на несправедливость мира, где одни утопают в роскоши, а другие замерзают у ворот. Напротив, теперь они каждый день щеголяли в нарядах, с утра до вечера околачиваясь у стены, увитой весенними цветами, и то и дело декламируя стихи о прекрасных девах и благородных мужах, изнывая от тоски, словно мартовские коты, и осыпая друг друга слащавыми, до зубной боли, виршами. Нашлись даже предприимчивые юноши, которые наладили торговлю портретами красавиц из соседнего женского крыла.

Погода стояла тёплая, ветерок приятно обдувал, и вода в тазу после полудня прогрелась до нужной температуры. Линь Чаогэ, не подливая кипятка, просто окунула голову в воду, намочила волосы и намылила их своим молочным мылом. Она сама сварила этот брусок и оставила себе несколько штук — мыло отлично пенилось, хорошо отмывало и приятно пахло.

Намылив голову, она случайно переборщила с пеной. Когда начала смывать, мыло попало в

глаза. Защищало так, что открыть их она не решалась, и начала на ощупь искать ковшик. Рука заскользила по дну таза, но вместо ковша наткнулась на чью-то ладонь — длинную, тонкую, белую и мягкую, словно у девушки.

Линь Чаогэ сперва испугалась, но тут же взяла себя в руки. Понизив голос, чтобы придать ему низкие, мужские нотки, она как ни в чём не бывало произнесла:

— Ты вернулся.

У Линь Чаогэ была одна роковая проблема — отсутствие кадыка. Она советовалась с людьми, и ей объяснили: у некоторых девушек кадык бывает замечен из-за избытка мужских гормонов, наследственности или чрезмерной худобы, когда шея становится слишком тонкой. Поэтому Линь Чаогэ старалась не толстеть, иначе проступила бы и грудь.

Она была уверена, что это Чёрный Лотос — кроме него, в этот дворик почти никто не заглядывал.

Бай Цинсин ничего не ответил. Одной рукой он закатал рукав, а другой зачерпнул воду и полил на голову Линь Чаогэ. Она послушно наклонилась, помогая смыть пену.

— Черпни ещё, надо руки ополоснуть, — попросила она. На ладонях оставалась пена, а тереть глаза было нельзя — она боялась, что, смывая пену с рук, снова занесёт мыло в глаза.

Бай Цинсин молча выполнил просьбу. Он послушно зачерпнул воды и медленно, без лишних слов, полил на руки Линь Чаогэ, пока не смыл всю пену дочиста.

Линь Чаогэ потёрла глаза, ополоснула их чистой водой и, когда боль утихла, открыла глаза. Волосы были мокрыми и свисали на лоб. Она не стала поднимать голову, но мельком заметила, что одежда Бай Цинсина сегодня не такая, как обычно. Вместо привычного лунно-белого или яркого алого цвета на нём был нежно-жёлтый наряд, напоминающий распускающиеся почки весеннего жасмина.

Неужели он тоже решил принарядиться, как павлин, распускающий хвост?

Как только она потёрла глаза и окончательно прозрела, сверху раздался ледяной голос, полный наигранного дружелюбия:

— Господин Линь, погляжу, дни твои летят в сплошном веселье.

Деревянный ковшик в его руке жалобно скрипнул. Ван Сифэн за эти дни сильно осунулся: его и без того округлый подбородок стал острым, как семечка, а миндалевидные глаза, в которых блестели слёзы, сейчас смотрели с остротой кинжала. Холодные слова слетали с его алых губ.

Услышав это, Линь Чаогэ выронила таз, грязная вода брызнула во все стороны, испачкав полы халата. Вот же чёрт возьми!

Взгляды встретились, и в воздухе повисла немая сцена.

Линь Чаогэ с трудом повернула голову, зубы её скрипели. Она не понимала, как Ван Сифэн, который должен был отдыхать дома, оказался здесь. Она смотрела на него с ужасом: он стоял в своём нежно-жёлтом одеянии, выпрямившись, словно натянутая струна, и от него исходила волна сдерживаемого гнева.

Он чуть приподнял подбородок, и на его лице промелькнула насмешливая улыбка, свойственная ветреным молодым господам. Лицо его, подобное луне в середине осени и цветам весеннего утра — кто же это мог быть, если не юный господин Ван?

Он не смеялся, но его тёмные глаза ясно давали понять: мне конец. Ноги Линь Чаогэ невольно задрожали.

— Эй, дружище, давно не виделись! — Линь Чаогэ начала пятиться назад по мере того, как Ван Сифэн наступал. Её узкие персиковые глаза, обычно такие притягательные, сейчас подёрнулись краснотой.

Её густые, словно водоросли, волосы, прилипшие к лицу, делали её похожей на утопленника, выбравшегося со дна реки.

— Правда? А я вот по тебе, господин Линь, ох как скучал. Днями и ночами не спал, куска в горло не лезло, — его голос звучал вкрадчиво, словно шёпот любовника, но от этого весеннего тепла веяло ледяным холодом.

Похоже, мой час пробил!

Вечерний ветерок уносит весну, лунный свет ложится на плечи прохожих. Не отомстить — значит, не быть благородным мужем, но... отомстить я не смогу, силы не те!

Юноша стоял, отбрасывая длинную тень на стену, его руки были опущены, кулаки слегка сжаты, а белоснежное одеяние было безупречно чистым. Даже лунный свет не осмеливался нарушить эту идеальную картину.

— Об этом я не знаю. Он сказал, что уходит, но куда — не уточнил, — ответил Бай Цинсин. Это была правда. Он и сам прекрасно понимал, зачем тот ушёл, и не хотел лишний раз упоминать место, тем более ему не нравилось, что в сердце сестры есть место для другого.

— Вот как? А брат Чжу не говорил, когда вернётся? — женский голос из-за стены звучал разочарованно.

— Мы учимся в разных аудиториях, откуда мне знать? — Бай Цинсин не мог описать, что творилось у него на душе. Кислый, горький привкус, неясный гнев поднимался из глубины сердца, а в его тёмных, как лак, глазах вспыхнул холодный огонёк.

— О, вот как... — Бай Лин была явно расстроена. Она опустила голову, и густые ресницы отбросили тень на её лицо. Подавив неприятное чувство, она спросила: — Ты ведь узнаешь, когда он вернётся?

Хотя Чжу Шэнъгэ и говорил ей, что видит в ней лишь сестру, призывая вовремя остановиться, чувствам не прикажешь. Это была её первая любовь, и никто не учил её, как справиться с этой тоской. Да она и не хотела избавляться от неё. Ей было хорошо — каждый раз, когда она думала о брате Чжу, на сердце становилось сладко, как в меду.

Она была влюблена, но из-за строгих правил приличия они редко виделись, и ей оставалось лишь скупать все рисунки с его изображением. На них он был не всегда похож на сто процентов, но в них чувствовалась его душа. На одних он стоял, на других сидел, лежал, рисовал или ел — для неё всё это было живым.

Ей достаточно было знать, где он и что делает. Глядя на эти рисунки, она представляла его образ и сама начинала рисовать, чтобы хоть немного унять тоску. Чтобы лучше передать его облик, она усердно занималась живописью, наняла учителей, и её мастерство достигло невиданных высот.

Она помнила, что брат Чжу любит музыку, и однажды потратила кучу денег, чтобы послушать её в увеселительном квартале. Но разве могут те женщины сравниться с ней? Если дело в красоте, то те лишь густо мажутся белилами и румянами, а она и без косметики не уступит им — а уж если накрадется, кто сможет с ней тягаться? Значит, дело в мастерстве игры на цитре?

Боясь, что её музыка не придётся ему по вкусу, она днями напролёт упражнялась до крови на пальцах, но для неё это было в радость — лишь бы однажды брат Чжу проявил интерес и попросил её сыграть.

В прошлый раз, когда они ехали вместе в его карете, она хотела рассмотреть всё, что там лежит. То, что он любит, он бережёт, и вещи от частого прикосновения становятся гладкими, а нелюбимые — остаются с острыми углами. Брат Чжу любил чай, особенно лунцзин, любил рисовать и играть в шахматы. Всё, что любил он, начинала любить и она, даже если поначалу это было не по душе.

Она из кожи вон лезла, чтобы у них нашлись общие темы для разговоров, чтобы ему не было с ней скучно, чтобы они могли часами беседовать о поэзии и философии жизни.

Говорят, любовь делает людей пессимистичными, заставляет бояться потери, но у неё не было на это времени. Она видела в этом стимул — ради любви к нему она хотела стать лучше и даже отправилась вслед за ним в далёкий Лоян.

Она хотела накопить достаточно сил, чтобы догнать его и стать той единственной, без которой он не сможет жить.

Бай Цинсин был зол. В его голосе больше не было прежней заботы, он прищурился и с

сарказмом бросил:

— Сестра, я не знаю, каким зельем этот Чжу Шэнъгэ тебя опоил! Чем он заслужил, чтобы ты, такая гордая, так убивалась по нему? — он не договорил, но смысл был понятен.

Сказано было без задней мысли, но Бай Лин эти слова больно ранили.

<http://bllate.org/book/22224/2319215>